

48	0062-3	ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ	"Дыханье века моего"	Часть 1 "Блюз электрической пилы"
		Вышла в свет в декабре 2000г.		33.33 (16.36+16.57 /11+12/
49	0062-4	ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ	"Дыханье века моего"	Часть 2 "Эмигрант"
		Вышла в свет в декабре 2000г.		32.11 (16.06+16.05 /11+13/

XX-му веку посвящается

ЦИКЛ 2

ДЫХАНЬЕ ВЕКА МОЕГО

От собеседника

Подходит к концу этот безумный век, разрушивший, пожалуй, значительно больше, чем создавший. Чем он может похвастать накануне своей смерти: загубленной природой, уничтоженными людьми и зверями, повергнутыми религиями, отнятыми у всего живого надеждами на лучшее будущее?..

Владислав Ходасевич с великолепной иронией описал в своих стихах начало века и... (о, Боже!) - вот уже его конец, а на дворе всё то же. Мы как будто застыли в прошлом, нас как будто ничто не научило?!

"Дыханье века моего" - мне представляется опасным, отравленным, непредсказуемым или даже наоборот, примитивно предсказуемым, - лучше не будет! Остается только надеяться на благосклонность века грядущего.

"Блюз электрической пилы"- основной мотив разрушения как человека - "венца природы" (в чём лично я сильно сомневаюсь), так и просто дерева, спиленного у Вас под окном по распоряжению легендарного "управдома". Остановить её никто не хочет: если пилят - значит кому-то это нужно. А нужно ли это Вам, мой Слушатель?

"Эмигрант" - одно из величайших "достижений", которым может похвастаться почти любое государство. Вот уж где преуспели. Куда там гуннам, скифам и татаро-монголам. Счет пошел давно на миллионы. И эти "граждане земли" летают, как былинки по воздуху, ожидая последней приписки-прописки под грустным названием Мать-Земля.

Ваш Станислав Коренблит

Сторона 1 - 16.36

Сторона 2 - 16.57

1. Игра	- 1.05	1(12). Авиатору	- 1.19
2. Неподходящие слова	- 1.19	2(13). Уроды	- 1.06
3. Блюз электрической пилы	- 2.33	3(12). Бедные рифмы	- 1.14
4. Дыханье века моего	- 2.03	4(15). Окна во двор	- 2.50
5. НЭП	- 1.00	5(16). Граммофон	- 0.48
6. Дневная дребедень	- 0.47	6(17). Быть может	- 0.50
7. Газетчик	- 1.30	7(18). Рыбак	- 0.52
8. Ряженые	- 1.05	8(19). У моря	- 1.14
9. Проклятый	- 1.57	9(20). Морской волк	- 1.19
10. Бред сумасшедшего	- 1.02	10(21). Из мертвенной страны	- 0.54
11. Злая скука	- 2.15	11(22). Звезды	- 2.31
		12(23). В кафе	- 2.00

Общее время звучания - 33.33

Сторона 1(3) - 16.06

Сторона 2(4) - 16.05

1(24). Эмигрант	- 2.20	1(35). Обман	- 0.54
-----------------	--------	--------------	--------

2(25). Грешница	- 1.41	2(36). Узкий ремешок	- 0.50
3(26). Вино	- 1.57	3(37). Что это?	- 1.01
4(27). Веселье	- 1.04	4(38). Два правила	- 1.44
5(28). Девушке	- 2.15	5(39). Пусть	- 1.43
6(29). Европейская ночь	- 1.10	6(40). Я	- 1.20
7(30). О пище	- 1.04	7(41). Должно быть	- 1.06
8(31). Гадание	- 1.24	8(42). Нет! полно!	- 0.58
9(32). Акробат	- 1.15	9(43). Отшельник	- 1.04
10(33). Берлинское	- 1.10	10(44). Раздумье	- 1.50
11(34). Ваш мир	- 0.46	11(45). Достижения	- 1.06
		12(46). Нет, не я	- 1.06
		13(47). Кто кого	- 1.23

Общее время звучания - 32.11

Общее время звучания - 65.44

СТОРОНА 1

ИГРА

Я с Музою не игрывал уж год,
С колодою рука дружней, чем с лирой,
Но для тебя - куда ни шло! Идет:
Тринадцать строк без козырей! Контрируй!
В атаку! В пики! Ну-ка, погляди:
Пять взяток есть, осталось только восемь,
Уж только семь! С отвагою в груди
Трефового туза на бубну сносим.
Он нам не нужен. Счастья символ сей
Некстати нам. А впрочем - что таиться?
Порою сердце хочет вновь забиться...
А потому - отходим всех червей,
Пока не стали сами - снесь червей.

НЕПОДХОДЯЩИЕ СЛОВА

Люблю говорить слова,
Не совсем подходящие.
Оплети меня, синева,
Нитями тонко звенящими!

Из всех цепей и неволь
Вырывают строки неверные,
Где каждое слово - пароль
Проникнуть в тайны вечерние.

Мучительны ваши слова,

Словно к кресту пригвожденные.
 Мне вечером шепчет трава
 Речи ласково-сонные.

Очищают от всех неволь
 Рифмы однообразные.
 Утихает ветхая боль
 Под напевы грустно-бесстрастные.

Вольно поет синева
 Песни, неясно звенящие.
 Рождают тайну слова -
 Не совсем подходящие.

БЛЮЗ ПИЛЫ

Весенний лепет не разнежит
 Сурово стиснутых стихов.
 Я полюбил железный скрежет
 Какофонических миров.

В зиянии разверстых гласных
 Дышу легко и вольно я.
 Мне чудится в толпе согласных -
 Льдин взгроможденных толчея.

Мне мил - из оловянной тучи
 Удар изломанной стрелы,
 Люблю певучий и визгучий
 Лязг электрической пилы.

И в этой жизни мне дороже
 Всех гармонических красот -
 Дрожь, побежавшая по коже,
 Иль ужаса холодный пот.

Иль сон, где, некогда единый, -
 Взрываясь, разлетаюсь я,
 Как грязь, разбрызганная шиной
 По чуждым сферам бытия.

ДЫХАНЬЕ ВЕКА

Измученные ангелы мои!
 Сопутники в большом и малом!
 Сквозь дождь и мрак, по дьявольским кварталам
 Я загонял вас. Вот они,

Мои вертепы и трущобы!
 О, я не знаю устали, когда
 Схожу, никем не знаемый, сюда,
 В теснины мерзости и злобы.

Когда в душе все чистое мертво,
 Здесь, где разит скотством и тленьем,
 Живит меня заклЯтым вдохновеньем
 Дыханье века моего.

Я здесь учусь ужасному веселью:
 Постылый звук тех песен обретать,
 Которых никогда и никакая мать
 Не пропоет над колыбелью.

НЭП

Если б маленький домишко,
 Да вокруг него садишко,
 Да в погожий бы денек
 Попивать бы там чаек -

Да с супругой Акулиной
 Да с дочуркой Октябриной
 Да на крылечке бы стоять -
 Своих курочек считать,

Да у каждой бы на лапке
 Лоскуток из красной тряпки -
 Вот он, братцы, я б сказал, -
 "Нацональный идеал"!

ДНЕВНАЯ ДРЕБЕДЕНЬ

Раскинул под собой перину,
 Как упоительную сень.
 Сейчас легонько отодвину
 Свою дневную дребедень.

Еще играет дождик мелкий
 По запотелому стеклу.
 Автомобильной свиристелкой
 Прочмокали в пустую мглу.

Пора и мне в мои скитанья.
 Дорога мутная легка -
 Сквозь каменные очертанья
 В лунеющие облака.

ГАЗЕТЧИК

"Вечерние известия!..
Ори, ласкай мне слух,
Пронырливая бестия,
Вечерних улиц дух.

Весенняя распутица
Ведет меня во тьму,
А он юлит и крутится,
И все равно ему -

Геройство иль бесчестие,
Позор иль торжество:
Вечерние известия -
И больше ничего.

Шагает демон маленький
Как некий исполин,
Расхлябанною валенкой
Над безднами судьбин.

Но в самом безразличии,
В бездушье торгаша -
Какой соблазн величия
Пьет жадная душа!

РЯЖЕНЬЕ

Мы по улицам темным
Разбежимся в молчании.
Мы к заборам укромным
Припадем в ожидании.

..."Эй, прохожий! прохожий!
Видел черта рогатого,
С размалеванной рожей,
Матерого, мохнатого?"

Ветер крепок и гулок.
Снег скрипит, разметается...
Забегу в переулок -
Там другие шатаются.

В лунном отсвете синем
Страшно встретиться с ряженым!
Мы друг друга окинем
Взором чуждым, неслаженным.

Самого себя жутко.

Я - не я? Вдруг да станется?
Вдруг полночная шутка
Да навеки протянется?

ПРОКЛЯТЫЙ

Проклятый кем-то, взрос я в зыбях
Мечты не знающей души.
В моих глазах, свинцово-рыбьих,
Залег туман речной глуши.

Смотрю без радости и гнева,
Не вижу я добра и зла,
Не слышу стройного напева,
Не ведаю - где свет, где мгла.

Когда смотрю в чужие очи, -
Боюсь огня сверкнувших дум...
И я бегу к покрову ночи...
Испуганный, дрожит мой ум.

БРЕД СУМАСШЕДШЕГО

Снег навалил. Все затихает, глохнет.
Пустынный тянется вдоль переулка дом.
Вот человек идет. Пырнуть его ножом -
К забору прислонится и не охнет.
Потом опустится и ляжет вниз лицом.
И ветерка дыханье снеговое,
И вечера чуть уловимый дым -
Предвестники прекрасного покоя -
Свободно так закружатся над ним.
А люди черными сбегутся муравьями
Из улиц, со дворов и станут между нами.
И будут спрашивать, за что и как убил, -
И не поймет никто, как я его любил.

ЗЛАЯ СКУКА

Чуть воют псы сторожевые.
Сегодня там же, где вчера,
Кочевий скудных дети злые,
Мы руки греем у костра.

И дико смотрит исподлобья
Пустых ночей глухая сонь.

В дыму рубиновые хлопья,
Свистя, гремя, кружит огонь.

Молчит пустыня. Вдаль без звука
Колючий ветер гонит прах, -
И наших песен злая скука
Язвя кривится на губах...

Чуть воют псы сторожевые.

АВИАТОРУ

Над полями, лесами, болотами,
Над извирами северных рек
Ты проносишься плавными взлетами,
Небожитель - герой - человек.

Напрягаются крылья, как парусы,
На руле костенеет рука,
А кругом - взгроможденные ярусы:
Облака - облака - облака.

И, смотря на тебя недоверчиво,
Я качаю слегка головой:
Выше, выше спирали очерчивай,
Но припомни - подумай - постой.

Что тебе до надоблачной ясности?
На земной, материнской груди
Отдохни от высот и опасностей, -
Упади - упади - упади!

Ах, сорвись, и большими зигзагами
Упади, раздробивши хребет,
Где трибуны расцвечены флагами,
Где народ - и оркестр - и буфет...

Сторона 2

УРОДЫ

Уродики, уродища, уроды
Весь день озерные мутили воды.

Теперь над озером ненастье, мрак,
В траве - лягушечий зеленый квак.

Огни на дачах гаснут понемногу,

Клубки червей полезли на дорогу.

А вдалеке, где все затерла мгла,
Тупая граммофонная игла

Шатается по рытвинам царапин
И из трубы еще рычит Шаляпин.

На мокрый мир нисходит угомон...
Лишь кое-где, топча сырой газон,

Блудливые невесты с женихами
Слипаются, накрытые зонтами,

А к ним под юбки лазит с фонарем
Полуслепой, ширококоротый гном.

БЕДНЫЕ РИФМЫ

Всю неделю над мелкой поживой
Задыхаясь, тощать и дрожать,
По субботам с женой некрасивой
Над бокалом, обнявшись, дремать.

В воскресенье на чахлую траву
Ехать в поезде, плед разложить,
И опять задремать, и забаву
Каждый раз в этом всем находить,

И обратно тащить на квартиру
Этот плед, и жену, и пиджак,
И ни разу по пледу и миру
Кулаком не ударить вот так, -

О, в таком непреложном законе,
В заповедном смиренье таком
Пузырьки только могут в сифоне -
Вверх и вверх, пузырек с пузырьком.

ОКНА ВО ДВОР

Несчастный дурак в колодце двора
Причитает сегодня с утра,
И лишнего нет у меня башмака,
Чтобы бросить его в дурака.

.....

Кастрюли, тарелки, пьянино гремят,
Баюкают няньки крикливых ребят.

С улыбкой сидит у окошка глухой,
Зачарован своей тишиной.

.....
Курносый актер перед пыльным трюмо
Целует портреты и пишет письмо, -
И, честно гонясь за правдивой игрой,
В шестнадцатый раз умирает герой.

.....
Отец уж надел котелок и пальто,
Но вернулся, бледный как труп:
"Сейчас же отшлепать мальчишку за то,
Что не любит гороховой суп!"

.....
Небритый старик, отодвинув кровать,
Забивает старательно гвоздь,
Но сегодня успеет ему помешать
Идущий по лестнице гость.

.....
Рабочий лежит на постели в цветах,
Очки на столе, медяки на глазах.
Подвязана челюсть, к ладони ладонь.
Сегодня в лед, а завтра в огонь.

.....
Что верно, то верно! Нельзя же силком
Девчонку тащить на кровать!
Ей нужно сначала стихи почитать,
Потом угостить вином...

.....
Вода запищала в стене глубоко:
Должно быть, по трубам бежать нелегко,
Всегда в тесноте и всегда в темноте,
В такой темноте и в такой тесноте!

ГРАММОФОН

Ребенок спал, покуда граммофон
 Все надрывался "Травиатой".
Под вопль и скрип какой дурманнный сон
 Вонзался в мозг его разъятый?

Внезапно мать мембрану подняла -
 Сон сорвался, дитя проснулось,
Оно кричит. Из темного угла
 Вся тишина в него метнулась...

О, наших душ не потрясай
 Твоею тишиною грозной!
Мы взмолимся - Ты сна не прерывай
 Для вечной ночи, слишком звездной.

БЫТЬ МОЖЕТ

Нет у меня для вас ни слова,
 Ни звука в сердце нет,
 Виденья бедные былого,
 Друзья погибших лет!

Быть может, умер я, быть может -
 Зброшен в новый век,
 А тот, который с вами прожит,
 Был только волн разбег,

И я, ударившись о камни,
 Окровавлен, но жив, -
 И видится из далека мне,
 Как вас несет отлив.

РЫБАК

Я наживляю мой крючок
 Трепещущей звездой.
 Луна - мой белый поплавок
 Над черною водой.

Сижу, старик, у вечных вод
 И тихо так пою,
 И солнце каждый день клюет
 На удочку мою.

А я веду его, веду
 Весь день по небу, но -
 Под вечер, заглотаю звезду,
 Срывается оно.

И скоро звезд моих запас
 Истрачу я, рыбак.
 Эй, берегитесь! В этот час
 Охватит землю мрак.

У МОРЯ

Лежу, ленивая амеба,
 Гляжу, прищуря левый глаз,
 В эмалированное небо,
 Как в опрокинувшийся таз.

Всё тот же мир обыкновенный,
 И утварь бедная всё та ж.
 Прибой размыленную пеной

Взбегает на покатый пляж.

Белеют плоские купальни,
Смуглеет женское плечо.
Какой огромный умывальник!
Как солнце парит горячо!

Над раскаленными песками,
И не жива, и не мертва,
Торчит колючими пучками
Белесоватая трава.

А по пескам, жарой измаян,
Средь здоровеющих людей
Неузнанный проходит Каин
С экземой между бровей.

МОРСКОЙ ВОЛК

Пустился в море с рыбаками.
Весь день на палубе лежал,
Молчал - и желтыми зубами
Мундштук прокуренный кусал.

Качало. Было все немило:
И ветер, и небес простор,
Где мачта шаткая чертила
Петлистый, правильный узор.

Под вечер буря налетела.
О, как скучал под бурей он,
Когда гремело, и свистело,
И застилало небосклон!

Увы! Он слушал не впервые,
Как у изломанных снастей
Молились рыбаки Марии,
Заступнице, Звезде Морей!

И не впервые, не впервые
Он людям говорил из тьмы:
"Мария тут иль не Мария -
Не бойтесь, не потонем мы".

Под утро, дымкою повитый,
По усмирившимся волнам
Поплыл баркас полуразбитый
К родным песчаным берегам.

Встречали женщины толпою
 Отцов, мужей и сыновей.
 Он миновал их стороною,
 Угрюмой поступью своей

Шел в гору, подставляя спину
 Струям холодного дождя,
 И на счастливую картину
 Не обернулся уходя.

ИЗ МЕРТВЕННОЙ СТРАНЫ

Там сеятель бессмысленно, упорно,
 Скуля как пес, влачась как пьяный скот,
 В родную землю втаптывает зерна -
 Отцовских нив безжизненный приплод.

А в шалаше - что делать? Выть да охать.
 Точить клинок нехитрого ножа
 Да тешить женщин яростную похоть,
 Царапаясь, кусаясь и визжа.

А женщины, в игре постыдно-блудной,
 Открытой всем, все силы истощив,
 Беременеют тягостно и нудно
 И каждый год рожают, не доносив.

В моей стране уродливые дети
 Рождаются, на смерть обречены.
 От их отцов несу вам песни эти.
 Я к вам пришел из мертвенной страны.

ЗВЕЗДЫ

Вверху - грошовый дом свиданий.
 Внизу - в грошовом "Казино"
 Расселись зрители. Темно.
 Пора щипков и ожиданий.
 Тот захихикал, тот зевнул...
 Но неудачник облыселый
 Высоко палочкой взмахнул.
 Открылись темные пределы,
 И вот - сквозь дым табачных туч -
 Прожектора зеленый луч.
 На авансцене, в полумраке,
 Раскрыв золотозубый рот,
 Румяный хахаль в шапокле
 О звездах песенку поет.
 И под двуспальные напевы
 На полинялый небосвод

Ведут сомнительные девы
 Свой непотребный хоровод.
 Сквозь облака, по сферам райским
 (Улыбочки туда-сюда)
 С каким-то веером китайским
 Плывет Полярная Звезда,
 За ней вприпрыжку поспешая,
 Та пожирней, та похудей,
 Семь звезд - Медведица Большая -
 Трясут четырнадцать грудей.
 И, до последнего раздета,
 Горя брильянтовой косой,
 Вдруг жидколягая комета
 Выносится перед толпой.
 Глядят солдаты и портные
 На рассусаленный сумбур,
 Играют сгустки жировые
 На бедрах Etoile d'amour*,
 Несутся звезды в пляске, в тряске,
 Звучит оркестр, поет дурак,
 Летят алмазные подвязки
 Из мрака в свет, из света в мрак.
 И заходя в дыру все ту же,
 И восходя на небосклон, -
 Так вот в какой постыдной луже
 Твой День Четвертый отражен!..
 Не легкий труд, о Боже правый,
 Всю жизнь воссоздавать мечтой
 Твой мир, горящий звездной славой
 И первозданною красой.

* Звезда любви (фр.)

В КАФЕ

Мясисто губы выдаются
 С его щетинистой щеки,
 И черной проволокой вьются
 Волос крутые завитки.

Он - не простой знаток кофеен,
 Не сноб, не сутенер, - о, нет:
 Он славой некою оваян,
 Он провозвестник, он поэт.

Лизнув отвиснувшие губы
 И вынув лаковый блокнот,
 Рифмует: кубы, клубы, трубы,
 Дреднот, вперед, переворот.

А сам сквозь дым английской трубки
Глядит, злорадно щуря взор,
Как бойко вскидывает юбки
Голодных женщин голый хор.

Ему противна до страданий
Арийских глаз голубизна,
Арийских башен и преданий
Готическая вышина.

Сердец крылатая тревога,
Колоколов субботний звон...
Их упоительного Бога
Заочно презирает он.

И, возвратясь из ресторана
И выбросив измятый счет,
Он осторожно из кармана
Какой-то сверток достает.

СТОРОНА 1(3)

ЭМИГРАНТ

Сидит в табачных магазинах,
Погряз в простом житье-бытье
И отражается в витринах
Широкополым канотье.

Как муха на бумаге липкой,
Он в нашем времени дрожит
И даже вежливой улыбкой
Лицо нездешнее косит.

Он очень беден, но опрятен,
И перед выходом на пляж
Для выведения разных пятен
Употребляет карандаш.

Он все забыл. Как мул с поклажей,
Слоняется по нашим дням,
Порой просматривает даже
Столбцы газетных телеграмм.

За кружкой пива созерцает,
Как пляшут барышни фокстрот, -
И разом вдруг ослабевает,
Как сердце в нем захолонет.

О чем? Забыл. Непостижимо,

Как можно жить в тоске такой!
Он вскакивает. Мимо, мимо,
Под ветер, на берег морской.

Кольшется его просторный
Пиджак - и, подавляя стон,
Под европейской ночью черной
Заламывает руки он.

ГРЕШНИЦА

Высоких слов она не знает,
Но грудь бела и высока
И сладострастно воздыхает
Из-под кисейного платка.
Ее стопы порою босы,
Ее глаза слегка раскосы,
Но сердце тем верней летит
На их двусмысленный магнит.
Когда поют ее подруги
У полунощного костра,
Она молчит, скрестивши руки,
Но хочет песен до утра.
Гитарный голос ей понятен
Отзывом роковых страстей,
И, говорят, немало пятен -
Разгулу отданных ночей -
На женской совести у ней.
Лишь я ее не вызываю
Условным стуком на крыльцо,
Ее ночей не покупаю
Ни за любовь, ни за кольцо.
Но мило мне ее явленье,
Когда на спящее селенье
Ложится утренняя мгла:
Она проходит в отдаленье,
Едва слышна, почти светла,
Как будто Ангелу Паденья
Свободно руку отдала.

ВИНО

Опять во тьме. У наших ног
Простертых тел укромный шорох,
Неясный крик, несмелый вздох
И затаенный страх во взорах.

Опять сошлись. Для ласк и слез,
Для ласк и слез - увы, не скрытых!
Кто чашу скорбную вознес,

Бокал томлений избытых?

Кто опрокинул надо мной
 Полночных мук беззвездный купол,
 И в этот кубок чьей рукой
 Подлит отравы малый скрупул?

Ужели бешеная злость
 И мне свой уксус терпкий бросит?
 И снова согнутая трость
 Его к устам, дрожа, подносит?

Увы, друзья, не отойду!
 Средь ваших ласк - увы, не скрытых -
 Еще покорней припаду
 К бокалу болей избытых...

Пылай, печальное вино!
 Приму тебя как знак заветный,
 Когда в туманное окно
 Заглянет сумрак предрассветный.

ВЕСЕЛЬЕ

Полузабытая отрада,
 Ночной попойки благодать:
 Хлебнешь - и ничего не надо,
 Хлебнешь - и хочется опять.

И жизнь перед нетрезвым взглядом
 Глубоко так обнажена,
 Как эта гибкая спина
 У женщины, сидящей рядом.

Я вижу тонкого хребта
 Перебегающие звенья,
 К ним припадаю на мгновенье -
 И пудра мне пылит уста.

Смеется легкое созданье,
 А мне отраднo сочетать
 Неутешительное знанье
 С блаженством ничего не знать.

ДЕВУШКЕ

Зачем ты за пивною стойкой?
 Пристала ли тебе она?
 Здесь нужно быть девицей бойкой, -
 Ты нездорова и бледна.

С какой-то розою огромной
 У нецелованных грудей, -
 А смертный венчик, самый скромный,
 Украсил бы тебя милей.

Ведь так прекрасно, так нетленно
 Скончаться рано, до греха.
 Родители же непременно
 Тебе отыщут жениха.

Так называемый хороший
 И вправду - честный человек
 Перегрузит тяжелой ношей
 Твой слабый, твой короткий век.

Уж лучше бы - я еле смею
 Подумать про себя о том -
 Попасться бы тебе злодею
 В пустынной роще, вечерком.

Уж лучше в несколько мгновений
 И стыд узнать, и смерть принять,
 И двух истлений, двух растлений
 Не разделять, не разлучать.

Лежать бы в платьице измятом
 Одной, в березняке густом,
 И нож под левым, лиловатым,
 Еще девическим соском.

ЕВРОПЕЙСКАЯ НОЧЬ

С берлинской улицы
 Вверху луна видна.
 В берлинских улицах
 Людская тень длинна.

Дома - как демоны,
 Между домами - мрак;
 Шеренги демонов,
 И между них - сквозняк.

Дневные помыслы,
 Дневные души - прочь:
 Дневные помыслы
 Перешагнули в ночь.

Опустошенные,
 На перекрестки тьмы,
 Как ведьмы, по трое

Тогда выходим мы.

Нечеловечий дух,
Нечеловечья речь -
И песьи головы
Поверх сутулых плеч.

Зеленой точкою
Глядит луна из глаз,
Сухим неистовством
Обуревая нас.

В асфальтном зеркале
Сухой и мутный блеск -
И электрический
Над волосами треск.

О ПИЦЕ

Нет, не найду сегодня пищи я
Для утешительной мечты:
Одни шарманщики, да нищие,
Да дождь - всё с той же высоты.

Тускнеет в лужах электричество,
Нисходит предвечерний мрак
На идиотское количество
Серошетиновых собак.

Та - ткнется мордою нечистою
И, повернувшись, отбежит,
Другая лапою когтистою
Скребет обшмыганный гранит.

Те - жилища, присев на корточки,
Повесив на бок языки, -
А их из самой верхней форточки
Зовут хозяйские свистки.

Всё высвистано, прособачено.
Вот так и шлепай по грязи,
Пока не вздрогнет сердце, схвачено
Внезапным треском жалюзи.

ГАДАНИЕ

Ужели я, людьми покинутый,
Не посмотрю в лицо твое?
Я ль не проверю жребий вынутый -

Судьбы слепое острие?

И плавлю мертвенное олово.
И с тайным страхом в воду лью...
Что шлет судьба? Шута ль веселого,
Собаку, гроб или змею?

Свеча колеблет пламя красное.
Мой Рок! Лицо приблизь ко мне!
И тень бессмысленно-неясная,
Кривляясь, пляшет на стене.

АКРОБАТ

От крыши до крыши протянут канат
Легко и спокойно идет акробат.

В руках его - палка, он весь - как весы,
А зрители снизу задрали носы.

Толкаются, шепчут: "Сейчас упадет!" -
И каждый чего-то взволнованно ждет.

Направо - старушка глядит из окна,
Налево - гуляка с бокалом вина.

Но небо прозрачно, и прочен канат.
Легко и спокойно идет акробат.

А если, сорвавшись, фигляр упадет
И, охнув, закрестится лживый народ, -

Поэт, проходи с безучастным лицом:
Ты сам не таким ли живешь ремеслом?

БЕРЛИНСКОЕ

Что ж? От озноба и простуды -
Горячий грог или коньяк.
Здесь музыка, и звон посуды,
И лиловатый полумрак.

А там, за толстым и огромным
Отполированным стеклом,
Как бы в аквариуме темном,
В аквариуме голубом -

Многоочитые трамваи
Плывут между подводных лип,

Как электрические стаи
Светящихся ленивых рыб.

И там, скользя в ночную гнилость,
На толще чуждого стекла
В вагонных окнах отразилась
Поверхность моего стола, -

И, проникая в жизнь чужую,
Вдруг с отвращеньем узнаю
Отрубленную, неживую,
Ночную голову мою.

ВАШ МИР

Мне каждый звук терзает слух,
И каждый луч глазам несносен.
Прорезываться начал дух,
Как зуб из-под припухших десен.

Прорежется - и сбросит прочь
Изношенную оболочку.
Тысячеокий - канет в ночь,
Не в эту серенькую ночку.

А я останусь тут лежать -
Банкир, заколотый апашем, -
Руками рану зажимать,
Кричать и биться в мире вашем.

СТОРОНА 2(4)

ОБМАН

Может быть, играет Дьявол
 Страшную игру,
Учит вере: "Здесь побуду
 И потом умру".

Шепчет смутно бледным, слабым,
 Что не им - искать,
Что лишь маска жизни - правда,
 И на ней - печать.

Этот шепот - в свисте ветра,
 В шелесте ветвей...
Он трусливых заставляя
 Дверь закрыть плотней,

Укрываться за стенами

В мертвенный покой
И забыть, что там, за дверью, -
Неизбежный бой.

Каждый слабый рано ль, поздно ль,
Иль в ином миру
Крикнет: "Горе. Я обманут!
За обман - умру".

УЗКИЙ РЕМЕШОК

Висел он, не качаясь,
На узком ремешке.
Свалившаяся шляпа
Чернела на песке.
В ладонь впивались ногти
На стиснутой руке.

А солнце восходило,
Стремя к полудню бег,
И, перед этим солнцем
Не опуская век,
Был высоко приподнят
На воздух человек.

И зорко, зорко, зорко
Смотрел он на восток.
Внизу столпились люди
В притихнувший кружок.
И был почти невидим
Тот узкий ремешок.

ЧТО ЭТО?

Что это? Что это? Толпы врагов?
Люди ли, призраки ль это?
Я ль не дойду к Тебе, Бог из Богов?
Вижу движенья запрета.

Мне вы мешаете к Богу идти?
Люди иль духи, - пустите!
Вижу маяк я на дальнем пути...
Мне ль уступить не хотите?

Молча смыкаетесь? Эй, мертвецы!
Пусть ваши лица и строги -
Я не боюсь вас, немые бойцы!
Я нападаю! С дороги!

ДВА ПРАВИЛА

Сквозь облака фабричной гари
Грозь костлявым кулаком,
Дрожит и злится пролетарий
Пред изворотливым врагом.

Толпою стражи ненадежной
Великолепье окружа,
Упрямый, но неосторожный,
Дрожит и злится буржуа.

Должно быть, не борьбою партий
В парламентах решится спор:
На европейской ветхой карте
Все вновь перечертит раздор.

Но на растущую всечастно
Лавину небывалых бед
Невозмутимо и бесстрастно
Глядят: историк и поэт.

Людские войны и союзы,
Бывало, славили они;
Разочарованные музы
Припомнили им эти дни -

И ныне, гордые, составить
Два правила велели впредь:
Раз: победителей не славить.
Два: побежденных не жалеть.

ПУСТЬ

Пусть стены круты, башни стройны
И ослепительны огни;
Пусть льют потоки крови войны;
Пусть переменны наши дни;

Пускай кипят, звенят, трепещут,
Грохочут гулко города;
Пусть время неумолчно плещет, -
Ты надо всем горишь, звезда!

Прости мне, свет иной основы,
Неизменяемых начал, -
Что я тебя в борьбе суровой
Так безрассудно забывал.

Я

Когда меня пред божий суд

На черных дрогах повезут,

Смутятся нищие сердца
При виде моего лица.

Оно их тайно восхитит
И страх завистливый родит.

Отстав от шествия, тайком,
Воображаясь мертвецом,

Тогда пред стеклами витрин
Из вас, быть может, не один

Украдкой так же сложит рот,
И нос тихонько задерет,

И глаз полуприщурит свой,
Чтоб видеть, как закрыт другой.

Но свет (иль сумрак?) тайный тот
На чудака не снизойдет.

Не отразит румяный лик,
Чем я ужасен и велик:

Ни почивающих теней
На вещи бледности моей,

Ни беспощадного огня,
Который уж лизнул меня.

Последнюю мою примету
Чужому не отдам лицу...

Не подражайте ж мертвецу,
Как подражаете поэту.

ДОЛЖНО БЫТЬ

Должно быть, жизнь и хороша,
Да что поймешь ты в ней, спеша
Между купелию и моргом,
Когда мытарится душа
То отвращеньем, то восторгом?

Непостижимостей свинец
Все толще над мечтой понурой, -
Вот и дуреешь наконец,
Как любознательный кузнец

Над просветительной брошюрой.

Пора не быть, а пребывать,
 Пора не бодрствовать, а спать,
 Как спит зародыш круглобый,
 И мягкой вечностью опять
 Обволокнулся, как утробой.

НЕТ! ПОЛНО!

По залам прохожу лениво.
 Претит от истин и красот.
 Еще невиданные дива,
 Признаться, знаю наперед.

И как-то тяжело, больно даже
 Душою жить - который раз? -
 В кому-то снувшемся пейзаже,
 В когда-то промелькнувший час.

Все бьется человеческий гений:
 То вверх, то вниз. И то сказать:
 От восхождений и падений
 Уж позволительно устать.

Нет! полно! Тяжелеют веки
 Пред вереницею Мадон, -
 И так отрадно, что в аптеке
 Есть кисленький пирамидон.

ОТШЕЛЬНИК

Горьки думы о земном,
 О потерянном Великом.
 Робко шепчут об ином
 Три свечи пред темным ликом.

Смутно плачет о больном
 Безотрадный вой метели.
 Навсегда забыться сном
 В тишине безмолвных келий.

За решетчатым окном
 Занесенный снегом ельник.
 О спасении земном
 Помолюсь и я, отшельник.

РАЗДУМЬЕ

Я опьянялся цветами мирскими,
 Воздух и блески я жадно внимал,
 Жил воедино с волнами морскими,
 Вместе с людьми ликовал и страдал.

О, колебанья несметных случайностей!
 Был я натянут послушной струной,
 Отдал я дань обольщению крайностей,
 Был я игрушкой... Но стал я - иной.

Я не ищу обольщений обманных.
 Я задыхаюсь в тумане, в бреде!..
 Я от измен, как убийцы - неожиданных,
 Тихо, беззвучно, светло отойду.

Снова и снова, к далекому, милому,
 К нежно-неясному путь поведет.
 И подойду я так близко к незримому.
 Перед глазами туманность падет.

Знаю - увижу я Вечные Грани,
 Знаю - пойму я Предвечный Закон.
 Муку печальную прежних скитаний
 Вспомню я грустно. И путь мой свершен.

ДОСТИЖЕНИЯ

Достигнуть! Достигнуть! Дойти до конца, -
 Стоять на последней ступени,
 И снова стремиться, и так - без конца...
 Как радостна цепь достижений!

Бессмертно прекрасен желанный венец.
 В нем - счастье всех достижений.
 Равно обновляют - победный венец
 И трепетный венчик мучений.

В победе - желание новых торжеств,
 Стихийная сила хотенья.
 Но вижу иную возможность торжеств:
 Есть в муке - мечта Воскресенья.

НЕТ, НЕ Я

Вдруг из-за туч озолотило
 И столик, и холодный чай.
 Помедли, зимнее светило,
 За черный лес не упадай!

Дай посиять в румянном блеске,
 Прилежным поскрипеть пером.
 Живет в его проворном треске
 Весь вздох о бытии моем.

Трепещущим, колючим током
 С раздвоенного острия
 Бежит - и на листе широком
 Отображаюсь... нет, не я:

Лишь угловатая кривая,
 Минутный профиль тех высот,
 Где, восходя и ниспадая,
 Мой дух страдает и живет.

КТО КОГО

Доволен я своей судьбой.
 Всё - явь, мне ничего не снится.
 Лесок сосновый, молодой;
 Бежит бесенок предо мной;
 То хрустнет веточкой сухой,
 То хлопнет в лужице копытце.
 Смолой попахивает лес,
 Русак перебежал поляну
 Оглядывается мой бес.
 "Не бойся, глупый, не отстану:
 Вот так на дружеской ноге
 Придем и к бабушке Яге.
 Она наварит нам кашицы,
 Подаст испить своей водицы,
 Положит спать на сеновал.
 И долго, долго жить мы будем,
 И скоро, скоро позабудем,
 Когда и кто к кому пристал
 И кто кого сюда зазвал".